

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**НАЖИВКА
ДЛЯ ВЕРМАХТА**

МОСКВА
2022

ГЛАВА 1

Поезд шел на юг. Глеб Шубин лежал на второй полке и смотрел в окно на плывущие мимо пейзажи. В течение первого года войны он видел только лесные края Смоленщины и Подмоскovie. Здесь же после Рязани пошли совсем другие места. Все шире открывались степи, меньше стало лесов, больше распаханых полей. «А ведь в районе Сталинграда, наверное, лесов и вовсе не будет, — думал он с нарастающей тревогой. — Как же там разведку проводить? Как к немцам подбираться?»

На календаре было 12 октября, и сейчас все мысли Шубина были о предстоящем месте службы. Этим местом был определен Сталинградский фронт. Шубин был назначен заместителем начальника разведки фронта. Ему предстояло явиться в штаб фронта, расположенный в поселке Райгород, и доложить о прибытии своему новому начальнику, полковнику Ивану Трофимовичу Уколову, который возглавлял разведку фронта. Что представляет собой полковник Уко-

лов, Шубин не знал. Тем более он не знал, что представляет собой командующий фронтом генерал Андрей Иванович Еременко.

До сих пор Шубину везло на начальников. Особенно хорошие отношения у него сложились с командующим 20-й армией генералом Рейтером. А как будет на новом месте? Этого Шубин не знал, и это его тревожило.

Вообще настроение у него было смутное. С одной стороны, радостное — ведь ему предстояло служить на новом месте. В месте, где, по всем приметам, по разговорам, должна была решиться судьба войны. Это тебе не периферийный Ржев, который не на всякой карте найдешь.

А с другой стороны, Шубина огорчало, что ему так и не довелось повидаться с легендарным генералом Жуковым. А ведь это он, Жуков, узнав о толковом разведчике из 20-й армии, вызвал его в штаб Западного фронта, где оставил приказ о направлении Шубина в Сталинград. Но самого генерала к этому времени в Волоколамске уже не было — он уехал в Москву, где был назначен на должность заместителя Верховного главнокомандующего. А жаль! Шубин мечтал увидеть знаменитого полководца, может быть, даже служить под его началом. Но, как видно, не судьба.

В Саратове поезд стоял больше часа. Узнав, что на привокзальной площади действует столовая для военных, Шубин направился туда. Здесь он смог поесть горячей пищи — борща и кар-

тошки с котлетой. Правда, и в том и в другом блюде мяса было не очень много, но что делать.

На перроне Шубин разговорился с сержантом, выглянувшим во время стоянки из соседнего поезда. Правда, этот поезд шел не на юг, а в обратном направлении — на север, в Куйбышев. И был он целиком заполнен ранеными. Сержант, с которым разговорился Шубин, ходил на костылях, приволакивая правую ногу. Звали его Геннадием. Он охотно сообщил, что был ранен в самом Сталинграде, в боях возле Тракторного завода. И теперь его везут на долечивание в госпиталь в Куйбышев. Узнав, что Шубин едет в Сталинград, Геннадий только покрутил головой.

— Посмотрите, товарищ капитан, как там воюют, — сказал он. — Думаю, вы такого еще не видали. Вы ведь как привыкли? Тут наши окопы, а там, метрах в ста, немецкие. А в Сталинграде вообще никаких окопов нет. И немцы живут прямо рядом с тобой, по соседству.

— Это как же без окопов? — удивился Шубин.

— А так, — ответил его новый знакомый. — Мы занимаем, допустим, второй этаж дома, а немцы первый. И сражаемся за лестничную площадку. Если они нас припрут окончательно, отступим на третий этаж, а потом на крышу. Но мы зубами держимся за каждый метр и не отступаем. Или так: мы по одну сторону заводской

стены, а фрицы по другую. И то они нас атакуют, то мы их.

— Но ведь в таких условиях и глаза закрыть нельзя! — воскликнул Шубин. — Все время надо быть начеку.

— Так и есть, — кивнул Геннадий. — Спим по очереди, едим тоже по очереди. Причем едим то, что удастся добыть. С водой тоже проблемы — пить иногда приходится растопленный снег. А он весь грязный... В общем, в Сталинграде своя война, какой еще никто не видел. А еще я вам расскажу...

Но тут состав, заполненный ранеными, дернулся, и новый знакомый Шубина заторопился, стал забираться на подножку вагона. Так он и не успел рассказать свою историю...

Вскоре и состав, в котором ехал Шубин, продолжил свой путь на юг. Он выбрался из города и подъехал к железнодорожному мосту через Волгу. Все подъезды к мосту были уставлены зенитными орудиями.

— Что, неужели здесь тоже немцы бомбят? — спросил кто-то из сидевших на нижней полке.

— И еще как бомбят! — ответил кто-то, как видно, местный, саратовский житель. — Каждую ночь по двадцать, по тридцать «Юнкерсов» налетают. Мост хотят разбомбить, перекрыть нашу дорогу к Сталинграду.

Поезд благополучно пересек Волгу и покатил дальше. На каком-то разъезде он круто повернул

на юг и теперь ехал по степи. Прошли еще сутки, и состав прибыл на станцию, где надолго остановился. Все сразу стали собираться и выходить.

— Все, капитан, приехали, — обратился к Шубину один из соседей.

— А что, дальше поезд не пойдет? — спросил Глеб.

— Поезд пойдет, он теперь до самой Астрахани идет. Но туда мало кто едет. Здесь, в Баскунчаке, выходят все, кому надо в Сталинград. Теперь нам надо добраться до переправы через Волгу, а там предстоит самая сложная задача — переправиться. Тебе куда — к Чуйкову, на «Баррикады», или на «остров Людникова»?

— Нет, мне надо в штаб фронта, в поселок Райгород, — ответил Шубин.

— Ну, тогда тебе на Ахтубу, там еще одна переправа есть. И надо, чтобы тебя туда подвезли.

Шубин вышел из вагона. Повсюду снова ли люди, искали машины, которые отвезут их в свою часть. Не сразу, с трудом, но нашел свою полуторку и Шубин. В кузов машины набилось человек двадцать. Но вот все сели, однако машина не спешила отъезжать от станции.

— Почему не едем, не знаешь? — спросил Глеб у соседа.

— Так светло еще, — спокойно ответил тот. — Надо ждать, пока стемнеет. Немцы бомбят и станцию, и переправы. Но там стоят зенитки, и они побаиваются. А на дороге нас никто не

защитит. Налетит «мессер» — все, считай, конец. Здесь, в степи, от него не укроешься. Так что будем ждать темноты.

Машина простояла на станции почти час. Наконец, когда уже совсем стемнело, они тронулись в путь. Ехали, не включая фар. Как водитель находил дорогу в полной темноте, оставалось только гадать. Но как-то находил. Дорога была ужасной, несколько раз Шубину казалось, что сейчас машина опрокинется.

Но вот в небе послышался шум моторов, и низко, над самыми головами сидевших в кузове людей, пролетели шесть самолетов. Они двигались с запада на восток, и, хотя в темноте опознавательные знаки видны не были, не приходилось гадать, чьи это самолеты.

— А наши летуны, что же, не отгоняют фрицев? — снова начал Шубин расспрашивать соседа.

— Да что-то не очень их видно, — ответил тот. — Наверно, не хватает...

— Нет, тут другое дело, — вмешался в разговор еще один военный. — Самолетов у нас должно хватить. Я вот своими глазами видел, как возле Баскунчака каждый день по десять-двенадцать штук садятся. Но их для чего-то берегут, не используют в боях.

Наконец впереди в свете звезд блеснула водная гладь. По наведенному саперами мосту они переехали реку Ахтубу и покатали дальше,

к Волге. Здесь предстояла пересадка на кораблик, курсировавший между двумя берегами великой реки.

Едва отчалили от берега, как снова послышался гул самолетов. На этот раз вражеские истребители не пролетели мимо, а, развернувшись, пошли низко над водой. Раздался стрекот пулеметов. И тут же на обоих берегах заговорили зенитные орудия. Шубин слышал, как пулеметная очередь ударила в воду сразу за кормой их корабля. Но на второй заход немцы не пошли: развернувшись, улетели на север.

— Пошли Шестьдесят вторую армию бомбить, — заключил человек, стоявший на палубе рядом с Шубиным. — Да, им больше всех этого добра достается.

Но вот наконец нос корабля уткнулся в песок. Все стали выгружаться и расходиться в разные стороны. Глеб нашел группу, которой нужно было туда же, куда и ему, — в Райгород. Правда, эти люди направлялись не в штаб, а в части, стоявшие рядом с селом.

Шубин уже настроился на то, что ему придется добираться до места назначения пешком — а это больше десяти километров, — но тут ему повезло. Подвернулась попутная машина, которая смогла подвезти его почти до самого штаба.

Шел уже второй час ночи, когда капитан подошел к штабу фронта. Предъявил часовому свои документы, а пока тот их изучал, спросил:

— А в штабе кто-нибудь сейчас есть? С кем можно увидеться?

— Сейчас там только дежурный, — ответил часовой. — Вот с ним и поговорите. Сегодня дежурит заместитель начальника штаба армии полковник Цымбалюк, Григорий Иванович.

Шубин вошел в помещение штаба. Миновал маленькую приемную, он проследовал дальше, в большую комнату, где, как видно, и работал штаб. Сейчас здесь было пусто и темно. Слабый свет виднелся в еще одной, небольшой комнате. Шубин направился туда. Здесь на кушетке сидя дремал немолодой полковник. Рядом с ним на столике стояли три телефонных аппарата.

Шубин кашлянул, привлекая к себе внимание. Полковник открыл глаза, взглянул на вошедшего. Взгляд у него был совсем не сонный — пронизательный, цепкий. Видя, что дежурный по штабу проснулся, Глеб доложил:

— Капитан Шубин из резерва Ставки. Прибыл в распоряжение начальника фронтовой разведки полковника Уколова.

— Прямо из Ставки? — хриплым голосом спросил Цымбалюк. — Это не часто бывает, чтобы из резерва Ставки...

Он встал, шагнул к Шубину. Выяснилось, что полковник значительно ниже Глеба ростом. А еще на близком расстоянии Шубин заметил, что полковник выглядит крайне уставшим. Глаза у него были красные, воспаленные, китель по-

мялся. Было такое впечатление, что заместитель начальника штаба фронта давно не раздевался и спал, как сейчас, — сидя у стола.

— Значит, разведчик... — продолжал говорить Цымбалюк. Голос у него был хриплый, как у человека, которому приходится много говорить по телефону, скорее даже кричать. — Ну, разведчик — это еще более редкая птица, чем человек из резерва Ставки. Разведчики нам нужны. Хотя трудно сказать, кто нам сейчас не нужен... Значит, сделаем так. Сейчас, капитан, отправляйся ты спать. Как выйдешь из штаба, пойдешь дальше по улице в сторону Волги. Идти минут десять. По правую руку будет длинный такой дом. Зайдешь туда, там для тебя найдется свободная койка. В доме у нас собирается сводный батальон из вновь прибывших людей. Пока ты будешь идти, я позвоню дежурному, предупрежу его. А завтра в восемь утра чтобы был здесь. Представишься полковнику Уколову, а также командующему. Они и определяют твою дальнейшую судьбу. Постой, а ты, может, голодный?

— Спасибо, товарищ полковник, у меня еще часть пайка осталась, — ответил Шубин.

— Вот и славно. А то в столовой, кроме хлеба, все равно ничего не найдется. Да, имей в виду — столовая в другой от Волги стороне. Значит, завтра с утра сходишь позавтракаешь, и в восемь чтобы был здесь. Имей в виду: Андрей Иванович опозданий не любит. Все, ступай.

Шубин покинул штаб и отправился разыскивать место для ночлега. Искать долго не пришлось: полковник Цымбалюк описал точно, где именно находится нужный дом. Дежурный проводил вновь прибывшего в комнату, указал на свободную койку. В темноте капитан успел разглядеть немного: только то, что в комнате, впритык одна к другой, стоят еще восемь коек, и все они заняты.

— Только вы извините, товарищ капитан, но белья постельного у нас нет, — прошептал ему дежурный. — Вчера бомбежка сильная была, белье не довели.

— Ладно, я и так посплю, — ответил Шубин.

Он скинул сапоги, гимнастерку, залез под одеяло — и спустя минуту уже спал крепким сном.

Проснулся Глеб в начале седьмого без всякого будильника. Такая уж у него была способность — просыпаться в назначенное время. Он отыскал в коридоре умывальник, умылся, натянул гимнастерку и уже собирался идти на завтрак, когда заметил, что с соседней койки за ним внимательно наблюдает парень лет 25, черноволосый, кареглазый и с таким же внимательным взглядом, какой он вчера заметил у дежурного по штабу. Когда их взгляды встретились, сосед произнес:

— Доброе утро, товарищ капитан. Хотя для вас оно вряд ли такое доброе — спать вам, кажется, мало пришлось.

— Ничего, позже выплыву, — ответил Шубин. — Вот думаю: брать на завтрак шинель или тут оставить?

— Да оставьте тут, что с ней делается, — сказал сосед. — Разве что «Юнкерс» бомбу точно на наш дом сбросит.

Видимо, решив, что дальше разговаривать с капитаном в таком положении, лежа, неудобно, сосед встал и произнес:

— Лейтенант Григорий Гришин. Я тоже только вчера сюда прибыл.

— Капитан Глеб Шубин, — сказал тот, протягивая руку лейтенанту. — Фронтная разведка.

— О, разведчик! — уважительно заметил Гришин. — Это здорово. А я из пехоты, из десятой дивизии НКВД.

«Как?! И тут НКВД?» — мелькнуло в голове Шубина. Видно, выражение его лица изменилось, и лейтенант Гришин это заметил.

— Понимаю, что вы сейчас подумали, — произнес он. — Заградотряды, приказ «Ни шагу назад!» и так далее. Может, нас бы и направили на усиление заградотрядов, только тут немцы больно быстро к городу подошли. И оказалось, что, кроме нас, Сталинград защищать некому. И бросили нас на передовую, сдерживать танки Гота. И мы их сдержали, товарищ капитан! Половина наших ребят на подступах к городу легла, а вторая половина — при защите вокзала и станции. В живых, как я, немногие остались.

Вот почему мы, оставшиеся, и считаем себя скорее пехотинцами, чем особистами.

— Понятно... — произнес Шубин. Он и раньше слышал о частях НКВД, которые оказывали ожесточенное сопротивление немцам в первые месяцы войны, сражаясь в пограничной полосе. Но вживую сталкиваться с участниками тех боев ему не приходилось. Со словом «НКВД» у него были связаны не очень хорошие воспоминания.

Между тем лейтенант Гришин, как видно, не был склонен обижаться. И заминку, случившуюся с Шубиным во время знакомства, воспринял совершенно спокойно.

— Если вы минут пять подождете, то вместе пойдем завтракать, — произнес он. — Заодно покажу, где столовая находится, — ее не так просто найти.

— Хорошо, пять минут подожду, — согласился Глеб.

А через несколько минут они уже шагали по улицам поселка. Сейчас, при свете дня, Шубин заметил то, что ускользнуло от его внимания ночью: большая часть улиц была затянута маскировочной сеткой, а в нескольких местах, прямо на улице, располагались зенитные батареи.

— Что, поселок сильно бомбят? — спросил он.

— Бомбят, — кивнул тот. — В основном ночью, но и днем прилетают. Пользуются тем, что истребителей у нас мало.

Они прошли несколько домов, свернули раз, другой и остановились перед дверью, напоминавшей дверь блиндажа.

— Это что — столовая? — удивился Шубин.

— Она и есть, — кивнул Гришин. — Это опять же из-за бомбежек. Все места, где скапливаются люди, стараются спрятать под землю. В Сталинграде вообще все под землей живут.

Они спустились по ступенькам и оказались в столовой. Она была ярко освещена светом керосиновых ламп. Шубин и Гришин предъявили свои продовольственные талоны и получили обед: по миске горячих щей и по куску мяса с картошкой. К удивлению Шубина, и в шах тоже было полно мяса. Завершал обед стакан компота.

— Это командующий добился, Андрей Иванович, — сказал Гришин, видя удивление Шубина. — Он большое значение придает тому, как армию снабжают. У него солдаты голодными не сидят.

Допивая компот, Шубин взглянул на часы. Времени оставалось как раз столько, чтобы вернуться на место ночлега, взять шинель и вещмешок и дойти до штаба.

— Мне спешить надо, — объяснил он своему спутнику. — К восьми часам назначено явиться в штаб.

— Значит, пошли быстрее, — отозвался лейтенант. — Опаздывать нельзя.

На часах было без пяти минут восемь, когда Шубин вошел в штаб фронта. В приемной его встретил молодой подтянутый адъютант в звании капитана. Глеб предъявил капитану документы и объяснил, что ему надо видеть начальника фронтовой разведки.

— Полковник Цымбалюк сейчас выехал на фронт, — ответил адъютант. — Вас примет командующий. Он в курсе. Как только освободится, я о вас доложу. Подождите здесь.

Шубин присел на табуретку в углу. Из большой комнаты доносился шум голосов. Через приемную каждую минуту проходили и пробежали люди. Всем надо было срочно решить какой-то вопрос с командующим. Было видно, что в штабе кипит работа.

Прошло примерно полчаса. На столе адъютанта тихонько звякнул звонок, и тот сразу прошел в главное помещение штаба. Вернувшись, он дал знак Шубину войти к командующему.

Глеб вошел в большую комнату, где ночью царили мрак и тишина, а теперь стоял дым котлом. Возле стола толпились несколько офицеров. В центре находился невысокий человек в генеральском мундире, с простым крестьянским лицом. Очевидно, это и был командующий Сталинградским фронтом Андрей Иванович Еременко.

Шубин знал, что генерал Еременко родился в крестьянской семье и не получил должного об-